

Если мы в период перестройки, «разогнавшись», «ударившись» в эту стену, не смогли ее преодолеть по разным причинам, стену перехода, если не в постиндустриальное, а в позднеиндустриальное общество, то и вернуться к движению вперед мы, вероятно, сможем только вернувшись к тем проблемам, которые оказались не по зубам стране в период перестройки. Только вернувшись к решению проблем перестройки, мы сможем продолжить то движение, которое было прервано и сменилось деградацией в 1980-е, 1990-е годы. Вернее, прервано оно было, скорее, в 1990-е годы, а процессы деградации, я думаю, стали очевидными сейчас.

Павел Кудюкин

Производственная квази-община как центр жизненного мира

Жизнь большинства советских людей структурировалась их рабочим местом. И дело не только в представлении о социализме как «единой фабрике, управляющейся из единого центра» (хотя бы подспудно оно жило весь период существования советского общества), но и в объективной структуре социально-трудовых отношений.

Вообще ранне-индустриальные общества лишь начинают преодолевать объединение места приложения труда и места жительства. Промышленный рабочий уже не работает на дому, но его жильё максимально близко расположено к заводу

или фабрике – фабричные казармы, фабрично-заводские пригороды, заводские слободки разрастались вокруг предприятий так же, как средневековый город мог возникнуть вокруг замка или монастыря. Советская индустриализация не только воспроизвела, но и усугубила эту тенденцию.

На «великих стройках социализма» созданию социальной инфраструктуры уделяли минимальное внимание, и вокруг предприятий и небольших островков приличного жилья (главным образом для начальства) разрастались «нахаловки», «шанхай», в лучшем случае бараки. Ситуация начала меняться только с конца 1950-х гг. (известное постановление о массовом жилищном строительстве) и особенно со второй половины 1960-х, когда по условиям «косыгинской» реформы у предприятий появилась возможность строить жильё за счёт собственных фондов.

Вместе с тем свойственная для первых лет «социалистической реконструкции» чрезвычайно высокая подвижность рабочей силы начала постепенно заменяться «индустриальным крепостным правом», вполне соответствовавшим «второму крепостному праву (большевиков)» в деревне. Оно было окончательно закреплено июньским указом 1940 г., который действовал до 1956-го.

Общая либерализация системы после смерти Сталина привела и к либерализации правовой стороны трудовых отношений. Но тут в действие вступили экономические факторы. На смену административной зависимости работника от предприятия/учреждения пришла зависимость экономическая. Предприятия всё больше становились не только местом, где зара-

батывали на жизнь, но и институтом, удовлетворявшим многие другие потребности человека, особенно в монопроизводственных малых и средних городах. Жильё от предприятия, ясли и детский сад от предприятия, заводской клуб или дом/дворец культуры с его танцами-кино-кружками по интересам, школа, подшефная предприятию и т.д. Наконец, гроб, сделанный в «столярке» предприятия и оградка на могилку, сделанная в одном из цехов или мастерских. Жизнь буквально «от яслей до гроба» зависела от предприятия. По мере нарастания товарных дефицитов к этому добавлялись продовольственные заказы и очереди на товары длительного пользования.

Предприятия и учреждения становились своего рода «индустриальными общинами» (точнее, квази-общинами), а советское общество всё больше становилось обществом с мелкогрупповой социальной структурой вертикально-корпоративного типа. «Свой» начальник оказывался куда ближе, чем собрат по объективному классу. Всё более массовым типом работника становился «почтительный работник» (*deferential worker*), ожидавший в ответ на свою почтительность патерналистской заботы от «начальства» и, в общем-то, такую заботу получавший. Формально свободный работник по своей психологии и поведению оставался полукрепостным.

Изменения в постсоветской России парадоксальным образом отразились на микросоциальном уровне трудовых отношений. Если в крупных городах с достаточно диверсифицированной экономической структурой у работника (по крайней мере, высококвалифицированного) действительно появилась несколько большая сво-

бода выбора, то в малых и средних городах зависимость от предприятия даже возросла. Во вновь возникающих уже частных организациях работник изначально рассматривался (за исключением не слишком частых случаев коллективов-партнёрств) как лицо подчинённое и бесправное. Характерен ответ одного знакомого предпринимателя в конце 1990-х: «Что ты будешь делать, если у тебя появится профсоюз?» — «Дам поручение своему заму по безопасности».

Архаические, полукрепостнические черты трудовых отношений даже усилились. Этому способствовало и расширение сферы неформальных трудовых отношений, построенных на устных договорённостях между работодателем и работником, которые попросту сводили на нет писанное трудовое право.

В то же время ситуация сильно отличается от «классического» времени формирования пролетариата в Западной Европе, Северной Америке или дореволюционной России. Наши «объективные пролетарии» включены в массовое общество, подвержены воздействию массовой культуры и идеологической обработки, включены, хотя бы частично, в структуры и процессы «общества потребления». Сохраняется и отчасти усиливается преобладание вертикально-корпоративных связей над горизонтально-классовыми. Без преодоления этих тенденций мы обречены на крайне архаичную социальную модель, являющуюся основой неэффективной экономики «дешёвого труда» и авторитарной политической системы.